

Повороты американского сюжета Андрея Платонова

Неизвестный источник пьесы Андрея Платонова „Ноев ковчег“

Последняя пьеса Платонова „Ноев ковчег“ была опубликована в „Новом мире“ в 1993 году. Это еще один платоновский текст, который многие годы оставался неизвестным. Отчаявшийся писатель, переживая многолетний запрет на публикацию его произведений, тщетно пытался сделать пьесу пригодной для печати. Тяжело больной, он работал над комедией о потопе последний год своей жизни. Завершить работу помешала смерть. Неоконченная пьеса пролежала „в столе“ автора четыре десятка лет, вызывая у публикаторов тоскливые сомнения: а стоит ли вообще выносить на суд читателей „странную“ комедию, воспринятую одним из ее первых читателей, К. Симоновым, как вещь, о которой „всерьез говорить... нельзя“. Критик А. Тарасенков, к которому пьеса попала на рецензию, написал о своем впечатлении о „Ноевом ковчеге“ А. Твардовскому: „Видно, у Платонова был какой-то антиамериканский замысел. Он получил чудовищную дезинформацию...“¹.

Источник „чудовищной дезинформации“, положенной в основу сюжета пьесы, мне удалось обнаружить в послевоенной „Правде“. В коротенькой заметке сообщалось о том реальном событии, которое, вероятно, и натолкнуло писателя на замысел „Ноева ковчег“ (орфография и пунктуация оригинала сохранены):

„Куда пропал Ноев ковчег?“

Мог ли кто-нибудь в США подумать, что библейский праотец Ной окажется нелояльным по отношению к богобоязненным американским разведчикам! Между тем произошло именно так.

Весной этого года на гору Арарат собралась многочисленная компания археологов из разных стран. Всех их обуяла неожиданная страсть отыскать остатки Ноева ковчег.

Подозрительных любителей мифических реликвий оказалось столько, что даже привычные к бесконечным „миссиям“, „комиссиям“ и просто разведчикам турецкие власти смутились и заколебались, пускать их на Арарат или не пускать.

Дело решил приезд американских ковчегоискателей. „Профессор“ Смит, возглавлявший американскую экспедицию, быстро оттеснил английских и голландских конкурентов, объявив турецким властям:

— Пропуск в пограничную зону будет дан только нам.

Приказ американского следопыта был немедленно оформлен в виде решения турецкого совета министров: пропуск дать!

Смит тут же отправился в запретную военную зону. На двух грузовиках везли „необходимое оборудование“, полученное из Соединенных Штатов, турецкого археолога из понятливых малых и двух представителей печати. Отыскали женщину, которая „своими глазами“ уже однажды видела ковчег в горах. С ее слов был сделан достоверный рисунок мифического ковчег и опубликован в газетах...

С точным адресом в руках „профессор“ Смит забрался на Арарат, но... ковчег (вот странность!) не оказалось на месте. По одним данным, его растащили на дрова турки, „облагодетельствованные“ доктриной Трумэна. По другим — мятежный дух старого Ноя скрыл

библейские реликвии от алчущих взоров американских следопытов: пусть хоть они останутся немаршаллизованными в маршаллизованной Турции.

2 сентября Смит спустился с Арарата и поведал миру, что он не обнаружил следов Ноева ковчега. Поведал с такой серьезностью, как если бы в мире нашлись простачки, способные принять на веру существование каких-то остатков этого мифического сооружения.

Мистер Смит не шутил, сообщая о своей „неудаче“. Он тут же бодро собрался на другой склон Арарата продолжать поиски.

Праотец Ной, — могут утверждать представители американской печати, — не проявил лояльности, скрыв от любопытных взоров мистера Смита остатки несуществующего Ноева ковчега. Но зато поиски ковчега ясно показали цель американских разведчиков, продолжающих возню на советско-турецкой границе.

В. Маевский“.

Эта находка позволяет проникнуть в творческую лабораторию писателя и еще раз убедиться в неизменной особенности его работы: Платонов, как правило, строил свои замыслы на основе реальных фактов. Вдова писателя Мария Александровна, с которой мне посчастливилось общаться с 1973 года до конца ее жизни, не раз говорила о том, что Платонов ничего не выдумывал, все изображаемые им события брал из жизни. Как это ни удивительно, один из самых фантастических художников XX века во всех деталях и подробностях оставался верен реальности.

Общественно-политическая ситуация конца 40-х годов определялась обострением „холодной войны“ между СССР и Америкой. Опасность атомного конфликта, постоянно нагнетаемая советской печатью, казалась вполне реальной. После взрывов американских атомных бомб в Японии в воздухе повисла угроза мировой катастрофы.

В заметке о ковчеге Платонов выделил главное, что и положил в основу своего замысла: интерес Америки к библейскому кораблю. В пьесе стремление получить „имущество прямо из библейского хозяйства“ истолковано правительством страны как „знак и прямое указание бога Америке“ строить Новый ковчег и спасти человечество.

Внимание Платонова привлекло то, что было связано с его собственным давним интересом к образу ковчега. Впервые он проявился в рассказе „Приключения Баклажанова“ (1922). Герой рассказа Елпидифор Баклажанов — одна из масок раннего Платонова: свои воронежские публикации он не раз подписывал этим псевдонимом. Эпизодический персонаж рассказа — „араратский житель“, „сделал подземную лодку“, которую силой электрической машины вогнали „в недра земли, и араратовец там пропал, поселился“. „Араратский житель“ с лодкой — свидетельство того, что в творчестве писателя „корабли спасения“ (космические, воздушные и морские), а также разнообразные „двигатели“, способные превратить Землю в управляемый людьми „корабль небес“ („Эфирный тракт“), имели библейский источник.

Образ Ноева ковчега, вынесенный в заглавие пьесы, связывает произведение с главной платоновской темой — спасения человечества.

Сюжет пьесы незатейлив: американские археологи получают задание отыскать на горе Арарат Ноев ковчег, но, даже не пытаясь обнаружить подлинные останки древнего судна, дают ложное сообщение о его находке. По этому поводу созывается „всемирный культурно-религиозный чрезвычайный конгресс всего цивилизованного человечества“, чтобы обсудить „судьбу нашего мира“. В результате того, что правительство Америки „решило уничтожить свой запас атомных бомб... в водах Атлантики“, начинается всемирный потоп, участники конгресса оказываются перед реальной угрозой гибели.

Тогда одна из участниц конгресса, голливудская кинозвезда Марта, шлет Сталину телеграмму с просьбой о спасении. В ответ она получает помощь: у подножия Арарата „большевики“ начинают строительство подлинного „корабля спасения“.

Иронически изложенное в пьесе намерение американского правительства облагодетельствовать погибающее человечество — построить Новый ковчег, когда-то звучало для Платонова вполне серьезно.

В „Ноевом ковчеге“ Платонов возвращается к „американскому“ сюжету, истоки которого обнаруживаются в его творчестве начала 20-х годов и в контексте литературы Пролеткульта и авангарда.

Настойчивое стремление любимых героев писателя в Америку было замечено в ранней платоновской повести — „Рассказе о многих интересных вещах“². Герой „Рассказа...“ Иван Копчиков „Только через десять лет в Америке <...> постиг, что такое электричество и как построен и строится из него наш мир и вся вселенная“.

В цикле рассказов „Родоначальники нации, или Беспокойные происшествия“, вошедшем в сборник Платонова „Елифанские шлюзы“ (1927), был воспроизведен один из фрагментов „Рассказа...“, где прежний герой отправлялся в Америку, но несколько менялась его цель: „Иван был уверен, что... масло душистых и пьяных роз способно построить вечные здания в древних балках его родины...“. Уже не электричество, а живой цветок, вырастающий из праха, становится для Платонова и его героя хранителем тайны устройства мира.

Потребность найти ответ на вопрос: „Отчего устроился весь мир?“ — руководила стремлением автора проекта „вечного здания“ — „общепролетарского дома“ инженера Прушевского „посадить в свежую пропасть вечный каменный корень неразрушимого зодчества“, т. е. уподобить его живому дереву, которое сможет органически врасти в природу. По вопросу: „Отчего устроился весь мир?“ — инженер угадал в „задумавшемся“ страннике Вощеве своего двойника („Котлован“).

Таинственная связь строительства нового мира с „розами“ — один из мотивов поэзии Маяковского: „Мы возьмем и придумаем новые розы — розы столиц в лепестках площадей“ („150000000“).

Маяковский был ближайшим предшественником Платонова в изображении похода Ивана в Америку. В поэме „150000000“ голодающий революционный пролетариат вместе с миллионами голодных животных направляется „к американским пастбищам“. В поэме есть глава, место действия которой — Америка. Здесь Маяковский описывает Чикаго — „Город... на одном винте, весь электро-динамо-механический“, где, „чтоб брови поднять — и то электрическая тяга“. Все эти сооружения мыслятся как уже существующие в Америке.

Американскими мотивами проникнута пролетарская поэзия. В творчестве Алексея Гастева Америка предстает как центр мировой технической цивилизации: „Америка готовила для Европы целые новые государства из бетона и металла, кран их разбирали, поднимали, переносили“³. У Гастева образ технической мощи обнаруживает свою двойственность: в стихотворении „Молот“ огромный завод превращается в самостоятельную „дьявольскую“ силу, угрожающую своим создателям, но именно в нем рабочие видят „скалу“ среди бушующего потопа и его сравнивают с „ковчегом“.

Известно, что, работая над пьесой, Платонов просил жену читать ему Библию и роман Достоевского „Бесы“. Достоевским угадана внутренняя связь тяги русских революционеров к Америке и к разрушению мира. Мотив странствия в Америку, настоятельная потребность „...переплыть океан на эмигрантском пароходе, в неизвестную землю...“, становится знаком, выделяющим в романе Достоевского проповедников „...нового принципа всеобщего разрушения для добрых окончательных целей“. Представленный в романе идеолог нигилизма Шигалев производил „впечатление зловещее <...> смотрел так, как будто ждал разрушения мира“⁴. Автор идеи „человекобога“ Кириллов, находясь в Америке, придумал способ победить страх смерти путем добровольного самоубийства.

Мотивами самоубийства мира проникнуто творчество Платонова, начиная с его первой книги — сборника стихов „Голубая глубина“. В сказке „Ерик“ (1921) конец света изображался как игра сделанных мужиком Ериком из глины по наущению Сатаны „ериковых детей“.

Картина апокалиптической грозы, завершившаяся всемирным потопом, возникала в финале сказки „Тютень, Витютень и Протегален“ (1922) и повторялась в „Рассказе о многих интересных вещах“ и „Эфирном тракте“.

Платоновский мир всегда находился в напряженном ожидании апокалипсиса, требуя от Спасителей человечества жертвенного служения.

Инженер Вогулов в рассказе „Потомки солнца“ разрабатывает проект глобальной перестройки земного шара. Он надеется „...постигнуть мир... и пересоздать вселенную“, убежденный в своем праве „беспощадно“ вмешаться в создание „...творца, который когда-то, играя, сделал звезды и пространства“. В богоборчестве Платонова сказывается, возможно, опосредованное (через творчество символистов) знакомство с универсальными гностическими представлениями о Демиурге-невежде, создавшем несовершенную Вселенную. Черты схожего миропонимания проявляются у Маяковского: „...в „Облаке“ герой бросает упрек Богу: „Я думал — ты всеильный божище, а ты недоучка, крошечный божик““⁵.

Ведя работы во всемирном масштабе, Вогулов прежде всего стремится разрушить старый мир: он изобретает „взрывчатый состав невероятной чудесной мощи, чтобы армия рабочих в двадцать — тридцать тысяч человек могла бы пустить в атмосферу Гималаи“. Взлетающие в атмосферу горные хребты — один из центральных мотивов пролетарской и авангардной поэзии. У А. Гастева: „В Азии транспортным постройкам мешали Гималаи... краном приподняли весь горный кряж и низвергли его в индийские болота“. Те же намерения высказываются у В. Хлебникова: „Если имеем две соседние долины с стеной гор между ними, путник может взорвать эту гряду гор...“⁶.

В ранней редакции рассказа, первоначально озаглавленной „Корабль света“, предтеча Вогулова инженер Мариан своими действиями вызывает явления апокалипсиса: „...ураган сметал города, молнии свирепели в атмосфере, и тяжелее вздыхал до дна потрясенный холодный океан...“. Намерение героя „Рассказа...“ „найти у мира голову и треснуть по ней...“ реализуется в „Ноевом ковчеге“: здесь в результате атомного взрыва „раскололи“ земной шар.

Важное уточнение содержания „комедии“ заключено в подзаголовке „Каиново отродье“. Согласно Ветхому завету, Каин проклят за убийство брата Авеля и приговорен к скитанию по Земле. С образом Каина связана мысль об ответственности человека за свои помыслы и дела. Сущностью проклятия Всевышнего было исключение Каина из „...целостной системы Мира, в которой все получает свое назначение и благоволение, нужное для исполнения этого назначения... Каин проклят, оторван не от Всевышнего, а от Земли, которая не дает места Каину и закрывает от него источники своей силы... Каин присуждается к непрерывному перемещению по лику Земли, к „неприкаянности“ и должен жить на ней, как в изгнании, в отчуждении от Земли...“⁷.

Упоминание о Каине проясняет замысел Платонова: он видит „небратское“ (термин Н. Ф. Федорова) состояние человечества, где одна его часть готова уничтожить другую. Американские политики, пытавшиеся „изгнать“ с Земли „большевиков“, сами показаны в пьесе в ситуации „отчуждения от Земли“. Появление на Арарате мифического брата Иисуса Христа Иакова, впоследствии именуемого в пьесе Братом, становится знаком преодоления вражды и ненависти, переполняющей тех, от кого зависят судьбы мира. Истинный смысл происходящего проясняется в разговоре Черчилля, Брата и актрисы Марты. Если политик радуется, что через несколько дней „...ни одного большевика не будет на свете“, то простые люди понимают: „Большевики захотели погубить, а погибает все человечество“. Писатель напоминает о единстве человечества. Участники конгресса просят и получают помощь от подлежащих уничтожению большевиков. Милосердие к ним остается, по Платонову, единственно возможным способом восстановления целостности расколотого мира.

С упомянутым в подзаголовке пьесы образом Каина связан мотив нескончаемого строительства чуждого Богу и Земле проклятого города:

„Каин — тот, кто строит и строит город, но, будучи осужден проклятием, обречен никогда не достроить его...“

...Земля отказала Каину в своей силе, и ему, проклятому и отчужденному, ничего не оставалось, как строить города и в строительстве этом развивать в себе то, что компенсирует недостаток духовных и плотских сил в нем... брать не от Земли, а воздвигать чуждую Богу и Земле обреченную цивилизацию... основанную на чуждости человека Богу, на бездуховном автономном развитии, самообучении и человекобожеском самовоспитании⁴⁸.

В творчестве Платонова есть подтверждения обращения писателя к библейскому сюжету: „И... строил город и назвал город, как сына своего, „Ханох“, (Книга Бытия, 4:17), — в повествовании о „доме-саде“, построенном в „Рассказе...“ и названном именем невесты, позднее — в романе „Счастливая Москва“, где город и героиня носят одно имя.

Мысли о судьбе „обреченной цивилизации“ переплетаются у Платонова с сюжетом строительства „вечных зданий“ всеобщей гармонии.

Характер развития событий в пьесе „Ноев ковчег“ был воспринят современниками Платонова как поворот к „антиамериканской“ теме, свидетельство его разочарования в спасительных для человечества технических возможностях американской цивилизации.

Но в пьесе есть персонаж, указывающий на то, что ее автор различал две Америки. „Инженер экспедиции, радист и буровой мастер“ Генри Полигнойс во всех обстоятельствах раскрывается как честный человек. У него вызывает протест отправка сообщения о ковчеге: „...ведь это ложь, мы не искали Ноева ковчег и не нашли его“. В момент появления на Арарате Конгрессмена он называет политика болваном, в финале Полигнойс обвиняет бесчестного Конгрессмена: „Зачем ты из Америки, из моей родины, делаешь воровку, убийцу?..“ Символическая сцена схватки инженера и политика „над пропастью“, во время которой оба летят вниз, завершается признанием турка Селима: „Две Америки у вас погибли. Одну мне жалко, другую нет. Жалко мне одну Америку, ах как жалко!“ В уста персонажа вкладывается авторское сожаление о судьбе той Америки, которая остается для него средоточием научно-технической мысли: „Эх вы, железопрокат, Форд и компания, патефоны и зажигалки...“.

В пьесе писатель применил свой излюбленный прием самоцитирования: множество мотивов, образов и эпизодов пьесы написаны по канве его ранней прозы. В незаконченном четвертом действии пьесы появляется фантастический эпизодический персонаж, восходящий к образу Каина, — „солдат-космополит“ Сильвестр Чадо-Ек. В образе „нового человека будущего мира“ воссозданы черты „нормализованного работника“, о котором Платонов писал в 1920 году: „...надо слить труд с жизнью, а производственный процесс с физиологическими... функциями организма человека“⁴⁹.

Фамилия персонажа создана по принципам словотворчества: на слово „человек“ накладывается слово „чадо“, последние две буквы отделяются, воспроизводя звучание тюркского „ек“, означающего „нет“. В его описании трансформирован звучавший в „Рассказе о многих интересных вещах“ мотив смерти, носителями которой оказываются микробы и насекомые: „...усталость, злоба, горе, болезнь, сон, смерть и все, мешающее жить, бывает от особых на каждый случай микробов, которые мигом заводятся в теле и пожирают его. Тело человека яростно борется с этими микробами и разводит в себе против них особых полезных микробов. Но потом все-таки смертные микробы побеждают этих полезных — и человек падает и умирает“. Чадо-Ек постоянно „изводится“, пожираемый блохами; точно так же „жжение и чесотка“ одолевали героя „Рассказа...“, измученного „невидимой“ „бациллой любви“. „Спецчеловек“ Чадо-Ек откармливает своей кровью блох, зараженных новой болезнью — быстрой смертью: когда он выпускает насекомых, они уничтожают противника.

Напоминает он и „бессмертных“ людей, которых создавал в специальной мастерской ученый Прочный Человек, уничтожая электричеством микробы смерти.

Первое, что бросилось в глаза увидевшему „бессмертных“ Ивану, было жадное поедание пищи. Точно так же „ест и пьет с жадностью и скоростью“ „спецчеловек“.

В третьем действии „Ноева ковчег“ участники конгресса на Арарате испытывают мучительный голод. В пьесу проникает жестокая послевоенная реальность — напоминание о

голоде 1946 года, унесшем в СССР жизни многих людей. По признанию историков: „Даже сегодня невозможно установить число жертв голода, но их было немало“¹⁰.

Глядя на голодающих, Брат замечает: „Вот до чего добаловались: сами империалисты не евши живут...“. Переживание голода представителями мира „сытых“ у Платонова напоминает состояние „чистых“ из „Мистерии-Буфф“ Маяковского. Они одинаково не способны перенести недостаток пищи, а похожие на „нечистых“ простые люди — Ева и брат господень Иаков — спокойны, находят себе пропитание и умеют довольствоваться малым.

Голод вынуждает героев „Ноева ковчега“ вспомнить о переселении в рай. Но такая перспектива не привлекает даже архипастыря Климента, нунция Папы Римского. На предложение Конгрессмена увести в рай „лишних“ обитателей Арарата он отвечает: „Мне нельзя сейчас в рай, мне некогда, я здесь в командировке“. Скептическое отношение к раю небесному напоминает о скудости райского существования, устроенного на звезде прилетевшими с Земли и потерявшими человеческий облик „странными“ существами из „Рассказа о многих интересных вещах“.

То обстоятельство, что пьеса вскоре после смерти автора попала прежде всего к Константину Симонову — в то время главному редактору „Нового мира“, — дает основания предположить, что Платонов писал „Ноев ковчег“ с надеждой на его публикацию в этом журнале.

Когда Симонов становится редактором „Нового мира“, он, несмотря на предостережения членов редколлегии журнала, напечатал рассказ Платонова „Семья Иванова“ (впоследствии печатался под заглавием „Возвращение“). События, вызванные этой публикацией, так потрясли Симонова, что он подробно описал их много лет спустя в книге воспоминаний „Глазами человека моего поколения“.

По роковому совпадению платоновский рассказ был напечатан в „Новом мире“ сразу после публикации постановления ЦК ВКП(б) 1946 года о журналах „Звезда“ и „Ленинград“, которое ударило в первую очередь по А. Ахматовой и М. Зощенко. Постановление отразило общую ситуацию ужесточения репрессий, которые не замедлили обрушиться на неугодного Платонова.

Поспешный отзыв о „Семье Иванова“ известного рапповского критика В. Ермилова с красноречивым названием „Клеветнический рассказ А. Платонова“, по предположению Симонова, появился по указанию Фадеева, не простившего Платонову разноса, устроенного ему Сталиным за публикацию платоновской хроники „Впрок“ в 1931 году в „Красной нови“, редактором которой был Фадеев. Симонов не знал (или не имел возможности об этом писать), что Ермилов сочинял не только статьи, но и доносы на Платонова, отчитываясь об их отправке тоже Фадееву.

В 1946 году начиналась кампания борьбы с „космополитизмом“ и „низкопоклонством“ перед Западом. Одной из причин травли Платонова, по предположению его вдовы Марии Александровны, могло быть то, что он оказался едва ли не единственным русским писателем, обвиненным в „космополитизме“ за участие в работе над „Черной книгой“ — собирал материалы об уничтожении евреев в Белоруссии.

В 1946 году после поездки в Америку и Японию К. Симонов пишет пьесу „Русские люди“, отразившую охлаждение отношений между СССР и Америкой. В разгар кампании по борьбе с „космополитизмом“ он получает непосредственно от Сталина заказ на произведение, разоблачающее ученых-космополитов, продавших на Запад важное научное открытие, и пишет пьесу „Чужая тень“. Возможно, желая помочь Платонову, Симонов посоветовал ему написать на тему, наверняка пригодную для печати.

Замысел „Ноева ковчега“ Платонова внешне совпадал с заданием, которое получил Симонов: показать „такой ход исследования проблемы, при котором она... может приносить и обнадеживающие человечество решения, и результаты угрожающие“¹¹.

Именно таков поворот событий в пьесе „Ноев ковчег“: американские археологи вместо настоящего ковчега, некогда послужившего для спасения Ноя, предлагают фальшивое „от-

крытие“, а потом попадают в гибельную ситуацию, оказавшись без судна во время потопы. Желая облагодетельствовать весь мир, они становятся виновниками обстоятельств, в которых приходится рассчитывать на советское правительство, спасающее человечество, „в том числе и американцев“.

Сообщение в „Правде“ о поисках ковчега на Арарате, вероятно, подтолкнуло Платонова к реализации замысла пьесы. Но любопытно, что это сообщение привлекло не только его внимание.

На пересечении Тверского бульвара и теософии

Скромно и малозаметно прошла весной 1997 года поразительная выставка символической графики Сергея Коненкова в самом центре Москвы, на углу Тверского бульвара и Тверской улицы.

Выставка была организована благодаря усилиям наследников художника и исследовательницы графического наследия С. Коненкова Светланы Бобровой. В мемориальном музее художника сохранились ценные архивные материалы и среди них — дневники скульптора, отразившие его долгую и кропотливую работу над образом Христа. Здесь графические наброски портрета Христа соседствовали с выписками из Библии, над изучением которой Коненков постоянно работал. Из этого дневника, когда я его перелистывала, и выпала вырезка из послевоенной „Правды“ о Ноевом ковчеге.

Мало кому известно, что в судьбе прославленного скульптора Сергея Коненкова был „американский период“, продолжавшийся двадцать лет, с 1924-го по 1945-й год. Об этих двух десятилетиях в творческой биографии художника долгое время попросту умалчивали. Очевидно, заметка о ковчеге не случайно особенно заинтересовала Сергея Коненкова. О том, что известие о поисках ковчега имело общественный резонанс, можно судить по косвенным свидетельствам: в популярной пьесе М. Козакова „Покровские ворота“ упоминается об этом событии.

Квартира, полученная преуспевающим скульптором, возвратившимся из Америки, находилась напротив бульвара, где часто гулял Платонов, живший неподалеку во флигеле здания Литературного института. Здесь находился до 1937 года памятник Пушкину — место, воссозданное Платоновым в рассказе „Любовь к родине, или Путешествие воробья“. В записной книжке 1936 года первоначально рассказ „...о воробье, унесенном ветром в рай и возвратившемся оттуда“ назывался „Тверской бульвар“¹².

Именно на этот уголок Москвы смотрели окна роскошного особняка, где жил скульптор Коненков, обласканный властями по возвращении на родину.

Так пересеклись во времени и в пространстве Москвы пути разных художников, вероятно, даже незнакомых друг с другом. Заметка о Ноевом ковчеге в записной книжке Коненкова — знак пересечения их интересов, которое ярче всего проявилось в содержании графики художника и произведений Платонова. Графические полотна Коненкова создавались в то же время, когда Платонов написал лучшие свои вещи, и многие из них настолько близки, что могут восприниматься как графическое и словесное выражение совпадающих по смыслу сюжетов. Их сходство определялось общим источником — обращением художников к библейским текстам, — но этим оно не исчерпывалось. В символической графике Коненков, как отмечала С. Боброва, „проявил себя не только выдающимся художником, но и оригинальным мыслителем, составившим собственную систему теософских представлений...“.

Интерес Платонова к теософской проблематике, „...к темам „материализации мыслей“, связи физики и психики“ впервые отмечен Е. Толстой в ранней платоновской фантастике, где тео-антропософские мотивы „видоизменяются в характерный космизм в сочетании с „богочеловеческим“ переосмыслением традиционной религиозной терминологии“¹³. У Платонова

с начала 20-х годов проявляется основное качество теософского миропонимания — вера в вещественность и действенную силу мысли. В „Корабле света“: „Мысль Мариана четко стучала, освещала и регулировала великую героическую работу“; „Материя мыслью Мариана превращалась почти в пустоту“. В „Потомках солнца“ сказано: „...нужна свирепая, скрипящая, прокаленная мысль, тверже и материальнее материи, чтобы постигнуть мир <...> и пересоздать вселенную“. Действия Вогулова повторял ученый Матиссен в повести „Эфирный тракт“: он силой мысли вызывал катастрофу, последствия которой напоминают результаты атомных взрывов в „Ноевом ковчеге“.

Катастрофа изображена в рассказе „Потомки солнца“ как путь превращения вселенной в качественно иное состояние — преобразование материи в свет: „За светом уже начинается другая вселенная, материя уничтожается. Могущественнее, напряженнее света нет в мире энергии“. Целью такого преобразования было освобождение человека от власти материи. Вера в возможность обретения человеком высшей свободы имела теософские корни. Сходные надежды высказывал А. Белый: „Есть свет, есть свобода: есть будущее!!“ Он понимал высшую свободу „в антропософском смысле — как освобождение духа от воздействий чувственно воспринимаемого мира, от „земных“ зависимостей вообще...“¹⁴.

С. Боброва пишет о графических работах Коненкова: „Подобно древнему мифотворцу он создает свою версию мифа о сотворении вселенной, свой образ космоса... в своих рисунках он сумел построить сложную иерархию символов и понятий, раскрывающих его идею космического апокалипсиса“.

Вера в преобразование мира после апокалипсиса была связана с представлениями, что люди способны продолжить жизнь после смерти в ином воплощении.

Р. Штайнер писал: „В еще более высоких областях „страны духов“ человеческий дух освобождается от всех земных оков. Он возносится в „чистую страну духов“, где он переживает те замыслы и цели, которые поставил себе дух земной жизнью, <...> в границах одного из своих воплощений сам человек может стать лишь подобным отпечатком предначертанного ему в царстве духа“¹⁵.

Знакомство Платонова с теософскими представлениями подтверждается „космическими“ эпизодами „Рассказа о многих интересных вещах“.

На звезде, куда прилетает герой „Рассказа...“ Иван, он встречает странное существо. В разговоре с ним выясняется, что здесь обитают бывшие земляне, продолжившие жизнь в новом воплощении.

„— С земли мы родом, а тут, превратившись...“ — объясняет Ивану житель звезды. Продолжая осматривать звезду, космические странники слышат „благоуханное смиренное пение“ „расцветающих душ, обреченных на любовь...“.

Иван иронически воспринимает перспективу вечной жизни без „злости и борьбы“, в любви ко всему живому и слиянии со вселенной. Но автор повести замечает неоднозначность позиции своего героя.

Встреча с Невестой заставляет Ивана почувствовать, „...что пропади, сгинь Невеста — он бы вдарился головой о камень и размножил ее“.

На образе Невесты сказалось явное знакомство Платонова с известными идеями: „Каждый теософ должен быть проводником, через который проходила бы созидательная сила... должен стать в потоке этих сил и дать им возможность обильно изливаться через себя на помощь миру“¹⁶. Он пишет об этой героине: „Солнечная дрожь рожала в ее голове мысли, и эти мысли вели ее куда, она сама не знала. Она говорила не свои слова, а слова мыслей, которые сделало в ее голове солнце.“

<...> Она была пустым и чистым кувшином — и туда лилась солнечная сила мира и делала ей и мысли и душу и слова“.

Совсем недавно уверенный, что „...ничего не должно быть окромя мыслей и машин“, он верит в „тайную силу“ Невесты:

„— Через нее мы слушаем мир, — говорил сам с собой Иван... — через нее можно со всем побрататься, быть заодно с солнцем и звездами — и не надо будет ни работы, ни злобы, ни борьбы. Будет везде, что видимо и невидимо, братство... Будет братство звезд, зверей, трав и человека...“.

Носителями идеала родства и братства становятся в „Ноевом ковчеге“ брат господень Иаков и глухонемая Ева.

Рецензенту пьесы критику А. Тарасенкову показалось, что содержание „комедии“ граничит с шизофреническим бредом. Он воспринял комедию как „продукт полного распада сознания... вследствие тяжелой болезни автора“: „Ничего более странного и больного я, признаться, не читал за всю свою жизнь...“¹⁷.

В рецензии Тарасенкова на „Ноев ковчег“ с поразительной точностью воспроизведен основной мотив отклика Горького на рассказ „Мусорный ветер“: „граничит с мрачным бредом“. „Мусорный ветер“ — рассказ о фашистском концлагере — не мог быть напечатан, он слишком сильно напоминал о социалистическом ГУЛАГе. Не могла оказаться пригодной для печати и мрачная платоновская комедия. Здесь писатель применил тот же прием: повествуя о крушении надежд на гуманность американской цивилизации, он признавался в неосуществленности в России проектов, которые должны были преобразить человечество, Землю и Вселенную.

Платонов использовал антиамериканскую терминологию эпохи для выражения собственных постоянных и неизменных идеалов.

На восприятие Платоновым конкретной исторической ситуации наложилось постоянное для него ощущение хрупкости мирового бытия.

Пьеса писателя „Ноев ковчег“ разворачивала еще одну платоновскую версию апокалипсиса — результат осознания Платоновым апокалипсической эпохи, переживаемой миром и предполагавшей его переход в качественно новое состояние. Гениальный художник ощутил и передал истину: человечество обретет спасение не на пути вражды и насилия, а на пути братства людей, милосердия и родства человека и природы.

Примечания

¹ Платонов А. Ноев ковчег. Новый мир, 1993, № 9. Публикация М. А. Платоновой. Подготовка текста и комментарий Н. В. Корниенко. С. 133.

² „Русская литература“, 1977, № 4.

³ Гастев А. Поэзия рабочего удара. М., 1923, с. 115.

⁴ Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 10-ти тт. Т. 7. М., 1957, с. 145.

⁵ Вайскопф М. Во весь голос. Религия Маяковского. М.-Иерусалим, 1997, с. 7.

⁶ Хлебников В. Творения. М., 1986, с. 624.

⁷ Берман Б. И. Библейские смыслы. М., 1997, сс. 105-106.

⁸ Берман Б. И. Библейские смыслы. М., 1997, сс. 108-109.

⁹ Платонов А. Чутье правды. М., 1990, с. 137.

¹⁰ Giuseppe Voffa. Storia Bell' Unione Sovietica. 11, Milano, 1979, № 23.

¹¹ Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1990, с. 146.

¹² Платонов А. Взыскание погибших. М., 1995, с. 664.

¹³ Толстая-Сегал Е. Идеологические контексты Платонова. В кн.: Андрей Платонов. Мир творчества. М., 1994, сс. 51, 57.

¹⁴ Долгополов Л. Андрей Белый и его роман „Петербург“. Л., 1988, с. 228.

¹⁵ Штайнер Р. Теософия. Ереван, изд. „Ной“, 1990, с. 102.

¹⁶ Анни Безант. Загадки жизни и как теософия отвечает на них. М., 1994.

¹⁷ Платонов А. Ноев ковчег. Новый мир, 1993, № 9, с. 134.